

Время уходит так быстро, что хочется сделать больше

— Думаю, что да, ощущаем. — говорит Инго Нормет. — Мы стараемся смотреть на себя со стороны, ни в коем случае не замыкаясь на внутритеатральных делах. И стараемся почувствовать не только движение времени, но и то, насколько мы этому времени соответствуем. Самый точный барометр — интерес публики.

Года три-четыре назад к пярнускому театру был особый, повышенный интерес. Во многом он был связан с острыми, проблемными спектаклями, в которых нам удалось найти адекватную художественную форму. «Дракон», «Сказки Венского леса», «Черного кота ночью не заметишь» собирали полные залы в течение долгого времени. То же самое можно сказать об «Ответственности» по пьесе первого секретаря Пярнуского райкома партии Вальтера Удама — до апрельского Пленума это был один из самых популярных спектаклей. Дело в том, что на фоне других театров мы выделялись своеобразной и хорошей афишей и в целом неплохим уровнем, хотя вершин было действительно немного.

Сейчас ситуация изменилась. Почти все театры выбирают себе хороший оригинальный материал — это во-первых, а во-вторых, изменилось время, театр перестал быть единственным выходом общественных страстей и эмоций. Эта роль перешла к тем, кому принадлежит по праву, — печати, радио, телевидению — к средствам массовой информации. А те-

Завтра главный режиссер Пярнуского драматического театра заслуженный деятель искусств ЭССР ИНГО НОРМЕТ вспомнит о своем своеобразном юбилее — ровно 20 лет назад именно на этой сцене состоялась премьера его первого спектакля. С тех пор Инго Нормет неразрывно связан с Пярну, ставшим родным городом, с театром, который носит имя поэтессы Лидии Койдула.

Если задаться целью рассмотреть в первой же работе знаки судьбы, то сделать это просто особенно сегодня, когда судьба определилась вполне отчетливо.

Знак первый — имя Лидии Койдула, любимой поэтессы. Эстонская драматургия — классическая и современная — занимает громадное место в режиссерском творчестве Инго Нормета. Благодаря ему именно с пярнуским теат-

атру нужно заниматься тем, что может только театр, — исследованием человеческой души. И особенно сложно находить современный материал, современную драматургию.

— То есть в «годы застоя» острую драматургию было найти легче?

— Для меня другое интересно. Историков и социологов профессия обязывает найти каждому явлению и понятию свое место, разложить все по полочкам. «Годы застоя», «годы стагнации» — все правильно, все понимаю. Но ведь эти годы — и мое прошлое. И все во мне сопротивляется перечеркиванию — именно в годы застоя прошли 20 лет моей творческой жизни, и я всегда старался заниматься именно тем, что меня интересует, теми проблемами, которые меня волнуют. И, насколько я знаю, мои коллеги из других теат-

ров тоже старались поступать именно так. Может быть, именно поэтому у нас в республике практически нет пресловутой «полки», с которой можно снять готовые пьесы, книги, фильмы. Мы добивались выхода к зрителю. И нашим драматургам и театрам нужно сейчас очень интенсивно работать, осмысливать время, в которое мы живем, и время, в которое мы жили.

Мне кажется, особенно трудно осмыслить время настоящее. И гласности, и перестройке всего полтора года, и еще совсем неясно, какие положительные и какие негативные последствия произойдут в человеке, в человеческой психологии. Это будет ясно спустя время. И то — если мы будем смотреть на себя со стороны, не отходя от правды ни на йоту.

— Не отходя от правды ни на йоту... Размышления над

этим и привело вас к Толстому, к его практически неизвестной пьесе — «И свет во тьме светит»?

— Да, с пьесой интересно получилось. Она ставилась в конце 20-х годов, а потом была забыта. Ко мне обращались коллеги из Москвы с вопросом, где я ее нашел? Ведь для них постановка неизвестной пьесы Льва Толстого в эстонском театре такая же невероятность, какой была бы для нас постановка неизвестной пьесы Таммсааре в московском театре.

Пьеса эта несет мощнейший этический импульс. Она о том, что человеку необходимо во что-то верить. Это самое автобиографичное из всех художественных произведений Толстого. В ней открылись его раздумья и сомнения — какую цену должен платить человек за то, чтобы жить правильно. Эта проблема и самого Толстого

ром связаны первые и громкие постановки пьес Оття Кооля, Вяйно Вахинга, Вальтера Удама.

Знак второй — выбор пьесы для режиссерского дебюта. С «Ночной исповеди» А.Арбузова потянулась непрерывная линия постановок русской классики и современной советской пьесы на пярнуской сцене.

Пярнуский театр работает ровно и стабильно уже многие годы. Хотя не очень много в его обозримой истории высоких вершин (но они есть), зато совсем нет провалов. Публика пярнуская (и районная) свой театр любит, и зал его пустым не бывает. Как не пустует он и на гастролях по всей республике.

Как сам театр ощущает — и ощущает ли? — время, в которое живет?

волновала всю его жизнь, и актуальна она для каждого человека во все времена. И для нас сейчас актуальна. Толстой писал ее десять лет, но так и не закончил — не знал, как закончить. И пьесу, и жизнь.

— Для вас важен круг интересов писателя, драматурга?

— Для меня важен круг мысли. Мысль можно высказать словами — но круг мысли создается всем полем пьесы, спектакля. Мне важно, чтобы публика в зале вышла на этот круг размышлений о жизни. Ведь в зале сидят разные люди, у каждого своя судьба, и никогда публика к единому выводу не приходит. В том и состоит задача режиссера — создать в спектакле такую атмосферу, чтобы зритель обязательно задумался над этими вопросами.

— В вашей режиссерской практике сошлись Лев Тол-

стой и Михаил Булгаков, чей «Мольер» поставлен в таллинском Молодежном театре.

— Для меня они сопрягаются свободно. Обе пьесы мне интересны, нравятся. И, наверное, даже есть что-то общее в постановках, хотя рационально сходство проследить трудно.

В конце концов мы все говорим об одном и том же — только через разные образы в разных пьесах разных авторов.

— Но эти достаточно разные постановки вплотную следовали друг за другом.

— Вы имеете в виду отсутствие временного разрыва? Наверное, это не так важно, если, конечно, не искать совсем другой театральный язык и совсем другой стиль работы с актерами. И лучшие наши режиссеры — Товстоногов, Ефремов, Любимов, Эфрос — работали много, с

разными авторами и очень плодотворно. Хотя могли бы себе позволить ставить один спектакль в два года. Время так быстро уходит, хочется сделать больше.

— А сейчас что у вас в работе?

— Сейчас — «Тийду-музыкант» К.Мерилаас, потом — «Ленинградец» А.Червинского.

— Так и питают вас два корня творчества — эстонский и русский.

— Нельзя себя сознательно ограничивать национальной принадлежностью к одной культуре. Когда я учился в ГИТИСе у Анатолия Васильевича Эфроса (а поступил я туда сразу после школы и по общему конкурсу, не от республики), то естественно, что изначально был больше в курсе истории, развития и традиций русского театра и искусства. Но после института я годами изучал историю эстонского театра, эстонской литературы и искусства. Я — эстонец, живу на своей родине и думаю на эстонском языке. Мне дорого то, что делают мои коллеги и в театре, и в литературе, и в музыке, и в живописи. И когда мне удается какая-то работа, какой-то спектакль, он становится частью эстонской театральной культуры. Но я вкладываю в него все, что почерпнул и в эстонской, и в русской, и, насколько мне это доступно, в мировой культуре.

У искусства нет границ.

Беседу вела
Эве АРУЛААНЕ.

ПЯРНУ.